

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С67

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Иллюстрация и дизайн обложки — *Alabris*

С67 Соул, Джин.
Крылья золотой птицы. Муцзянь: [роман] / Джин Соул. — Москва:
Издательство АСТ, 2025. — 512 с. — (Мотивы далекой Азии).

ISBN 978-5-17-169037-3

Чтобы выполнить отцовский наказ и установить первоочередность наследства, братья-близнецы отправляются в бамбуковый лес на охоту. Кто первый вернется с заветной добычей — получит в распоряжение древнее семейное дело. Но выпущенная одним братом стрела предназначается вовсе не птице, а собственному близнецу. Жестокое покушение должно оборвать жизнь Чэнь Ло, однако становится залогом встречи с загадочным лекарем, что прячет свое лицо, и началом опасного путешествия.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

978-5-17-169037-3

© Соул Д., 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

*Золотая птица
Больше не летает:
Потеряла крылья
Птица золотая,
Не летать по небу,
Не взлететь на ветку.
Посадили птицу
В золотую клетку.
До скончания века
В клетке ей томиться.
Где же твои крылья,
Золотая птица?*

Пролог. Город масок

Правда то или вымысел — доподлинно неизвестно, но рассказывают, будто в те времена, когда боги и демоны ходили ещё между смертными, а чудеса за таковые никто не считал, жил-был на свете некий градоначальник Мянъ.

Была у него жена — не сказать, чтобы красавица, но благосклонностью супруга пользующаяся. Если и было о чём сокрушаться, так это об её сварливости: и положением старшей жены, и лицом, ещё не увядшим, несмотря на возраст, госпожа Мянъ кичилась. Младшим жёнам и наложницам градоначальника от неё житья не было: тем попрекнёт, этим укорит, да ещё и в амбаре запрет — в наидание прочим.

И чем старше становилась госпожа Мянъ, тем больше портился её характер, тем сильнее она завидовала молодости других женщин и тем изощрённее измывалась над соперницами.

«Что бы этакое мне придумать? — размышляла она, разглядывая себя в зеркало и подсчитывая морщины. — Красота моя увядает, супруг всё чаще заглядывается на новых служанок. Скверно будет, если в дом войдёт молодая наложница, а вдруг она ему ещё и сына родит? Поздний урожай слаще раннего».

И госпожа же Мянъ распорядилась, чтобы все служанки в доме закрывали лица. Для этого были куплены неприятные деревянные маски. Снимать их служанкам

запрещалось, и бедные девушки вынуждены были носить их круглыми сутками.

Скоро маски примелькались, и градоначальник Мянъ уже не обращал внимания на новых служанок.

Но госпожа Мянъ тем не удовлетворилась и на правах старшей жены велела другим жёнам тоже закрывать лица. Для этого были куплены фарфоровые маски.

Скоро и эти маски примелькались, и градоначальник Мянъ уже не заходил к другим жёнам.

Та же участь постигла и наложниц.

— А что это у тебя, госпожа Мянъ, женщины в масках ходят? — удивились подружки госпожи Мянъ, все почтенные матроны и страшные мегеры.

Госпожа Мянъ поделилась соображениями, и её подружки тут же переняли этот обычай и обрядили в маски младших жён, наложниц и служанок, а некоторые — даже собственных дочерей и падчериц, молодости которых люто завидовали.

Торговец масками подивился стремительно возросшему спросу на свой товар: прежде-то маски покупали только к празднику. Ему даже пришлось нанять подмастерьев, чтобы те, сменяя друг друга, изготавливали всё новые и новые маски. Впрочем, торговец не жаловался, ведь наполнились деньгами его сундуки.

Скоро почти все женщины города ходили с закрытыми лицами. Даже беднячки покупали или мастерили себе плохонькие деревянные маски.

— Слушай, муженёк, — сказала жена торговца, — мы бы первыми богачами в городе стали, если бы каждый житель города купил по маске.

— Гм, — отозвался муж, который и сам размышлял о том же, — непростая задачка. Мужчины лиц не прикрывают, если только они не наёмные убийцы.

Профессионалы в этом деле, к слову, к нему в лавку тоже заглядывали и всегда покупали себе маски демо-

нов — для устрашения будущих жертв. Если бы торговец масками сообщил об этом в магистрат, их бы всех давно поймали и казнили. Но разве стал бы он лишаться стабильного дохода? Наёмные убийцы маски часто меняли — чтобы не примелькались.

— Уж придумай что-нибудь, — хмыкнула жена торговца масками, — я хочу по городу в повозке развезжать, непременно с парчовыми занавесками!

Голова у торговца масками работала хорошо, торгашу никак без смекалки. И дня не прошло, как он придумал беспроегрешный план быстрого и долгосрочного обогащения.

Утром, когда настало время открывать лавку, он встал за прилавок... в маске, так уродливо расписанной, что при взгляде на неё хотелось сплунуть.

— Эй, Лао Ю, — удивился зашедший поприветствовать приятеля по торговому делу трактирщик, — что это ты в маске? Не иначе как госпожа Ю тебя приложила, стыдно на людях с синяком под глазом показаться? — и он расхохотался, потому что все в городе знали: жена торговца масками его иногда поколачивает.

— Нипочём не угадаешь, — сказал торговец масками, проглотив обиду. — Это от глаза.

— Что-что? — переспросил трактирщик. — Какого такого глаза?

Торговец масками будто бы неохотно, цедя слова, рассказал, что какой-то странствующий не то монах, не то заклинатель поведал ему один секрет — как расписывать маски, чтобы те защищали хозяина от дурного глаза, а заодно и приумножали добродетели и то, что полагается в кошель складывать. Будто бы все «знающие люди» в столице носят такие, потому живут там сплошь богачи. Ложь от первого слова до последнего, но в столице из жителей города никто не бывал, потому и оспорить сказанное не мог.

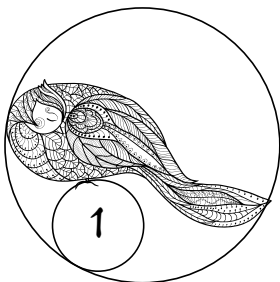
Услышав о таких чудесах, трактирщик разволновался и стал упрашивать, чтобы и ему продали расписанную волшебным узором маску. Торговец поломался для вида, но всё-таки вытащил из-под полы ещё одну размалёванную невесть чем маску и заломил за неё такую цену, что и представить себе страшно, не то что раскошелиться. Но трактирщик торговаться не стал, выложил на прилавок требуемую сумму серебром и поскорее нацепил на себя маску — чтобы приобщиться к «знающим людям».

И недели не прошло, как все жители города от мала до велика уже носили расписные маски. И семья торговца действительно несказанно разбогатела: первым человеком в городе стал!

Шло время, менялись люди, менялся город. О причинах, по которым маски начали носить сначала женщины, а потом и все остальные, давно позабыли, но ношение ритуальной маски стало обязательным: её надевали на младенца, а снимали уже с покойника.

Не носили масок лишь бродяги да проезжие, которые стали называть город с утраченным ныне именем Городом масок, или Мянъяжао.

Два богомола беседуют

Градоначальник Чэнь без видимого неудовольствия ждал, пока управляющий Ли колдует над терпким, ароматным чаем. При заваривании чая, как и в принятии важных решений, спешка губительна: температура воды, сорт чайных листьев и даже качество фарфора у чашек — важна каждая деталь, чтобы напиток вышел должного качества. Наконец чай был разлит, градоначальник Чэнь приподнял маску, отпил из своей чашки и одобрил:

— Хороший чай. Садись, Лао Ли, потолкуем.

Управляющий Ли, кряхтя, уселся за стол и воздал должное чаю. Градоначальник Чэнь отрешённо постукивал ногтем по маске, закрывающей лицо, и поскольку это давно вошло у него в привычку, то на маске осталась выщерблина.

— Стар я уже, пора на покой, — сказал он тоном ворчливого старика. — Из Чанъаня** обещали назначить нового градоначальника.

Управляющий Ли покивал, соглашаясь. Хозяин его был уже в преклонном возрасте, а должность градоначальника — дело хлопотное, пора и честь знать.

* Два богомола беседуют — отсылка на притчу о богомоле, который охотился на цикаду, но не заметил, что на него самого охотится воробей.

** Чанъань — древняя столица.

— Вот уйду в отставку, — мечтательно сказал градоначальник Чэнь, — займусь огородом... Но прежде, — добавил он уже серьёзно, — нужно решить, кого назначить наследником семьи Чэнь. Я долго это откладывал, но время пришло, как считаешь, Лао Ли?

Управляющий Ли согласился, что пришло время передать дела и ключи от поместья Чэнь молодому господину... которому из молодых господ? У градоначальника Чэня было пятнадцать детей от трёх жён и четырёх наложниц — десять дочерей, шесть из которых уже были выданы замуж и отсланы из дома, две на выданье и две малолетние, только в прошлом году научившиеся ходить; и пять сыновей — два семнадцатилетних брата-близнеца, третий, на два года их младше, и два погодка неполных шести и пяти лет соответственно.

Согласно традиции, наследником семьи назначался старший из сыновей, но в семье Чэнь старших было сразу двое. Семнадцать лет назад у градоначальника Чэня родились сиамские близнецы, сросшиеся ребром правой ладони. Лекарь был достаточно искусен, чтобы их разделить, не осталось и шрама, и мальчики выросли сильными и здоровыми. Но кого из них считать старшим? Именно поэтому градоначальник Чэнь откладывал решение, надеясь, что со временем изыщет способ выбрать достойного наследника, а покуда относился к братьям-близнецам, как он считал, одинаково, не выделяя никого ничем и никогда. Но всё же, хваля их, одному клал руку на плечо, а другому на голову, так что управляющий Ли подозревал, что одного из сыновей хозяин любит больше. Сам он их с трудом различал, если они стояли к нему спиной: оба были высокие, статные, волосы забирали в хвост, оба предпочитали носить цзяньсю* и различались только масками — Чэнь Юй выбрал для себя маску змеи, а Чэнь Ло — маску ворона.

* Цзяньсю — одеяние лучника с узкими рукавами.

Градоначальник Чэнь принялся рассуждать вслух о достоинствах и недостатках старших сыновей. Оба были талантливый, знали счёт и письмо, разбирались в торговом деле (семья Чэнь торговала чаем вот уже шесть поколений). Оба отличные охотники, никогда не возвращались домой с пустыми руками, всегда с добычей. Чэнь Юй был гневлив, но смекалист. Чэнь Ло был сметлив, но распутен: если он попадал из дома, то искать его следовало в цинлоу*.

Управляющий Ли не считал распутство Чэнь Ло недостатком: молод ещё, нагуляется и успокоится. А вот несдержанность характера Чэнь Юя благополучию семьи не на пользу: не раз приходилось вносить залог за молодого господина, когда тот попадал в переделки, то бишь в магистрат за очередную драку. Но кто он такой, чтобы указывать хозяину? Какое решение примет градоначальник Чэнь, с тем он и согласится. Но всё же, если бы хозяин спросил мнения управляющего Ли, он бы ответил, что наследником следует сделать...

Голос градоначальника Чэня прервал его мысли и удивительным образом совпал с ними:

— ...наследником следует сделать Ло-эра. Как считаешь, Лао Ли?

«А всё-таки Ло-эра хозяин любит больше», — подумалось тогда управляющему Ли. Но он бы предпочёл вообще не высказываться вслух, не его это дело — советовать хозяину или — упаси боже — навязывать ему своё мнение. Градоначальник Чэнь, впрочем, и не ждал от него ответа. Он поскрёб ногтем выщерблину на маске, продолжая рассуждать:

— Но, видишь ли, в чём дело... Оба они старшие, и если я просто назначу одного наследником, то другой может обидеться. Поэтому я устрою им испытание. Велю поохотиться. И когда Ло-эр с этим справится, то я назову его наследником.

* Цинлоу — публичный дом, бордель.

— А если справится Юй-эр? — сразу же нашёл брешь в плане управляющий Ли.

— Уверен, что справится, — согласился градоначальник Чэнь. — Но если один принесёт белку, а другой — крысу, то ясно ведь, за кем останется победа.

— А если оба принесут по белке? — подумав, спросил управляющий Ли.

— Всегда можно к чему-нибудь придаться. Скажем, недостаточно пушистый хвост или тусклая шкурка.

— Гм... хм... — только и сказал управляющий Ли.

— Скажешь, я предвзят? — продолжал градоначальник Чэнь, обращаясь скорее к самому себе, чем к собеседнику. — Но я уверен, что поступаю правильно. Сам знаешь, какая репутация у Юй-эра в городе. Возглавь он семью, это отразится на чайном деле, верно я говорю? То-то и оно. А что до Ло-эра, так отвадить его от цинлоу — и горевать не о чем. Кто по молодости туда не захаживал? Женим его, наложниц для него купим, служанок пофигуристей наймём. Женщины — они и есть женщины, и эти туфли разносит, верно я говорю?

Управляющий Ли машинально кивал, как болванчик. О Чэнь Ло в городе мужчины говорят одобрительно, а женщины — краснея и прикрывая лицо рукавом. Если хозяин поутру бросит ключ, что хочет женить сына, желающие в очередь выстроятся, до ночи не пересчитаешь! Наложниц раздобыть ещё проще: от младших дочерей даже в богатых семьях мечтают поскорее избавиться, они обуза, что уж говорить о тех, что беднее достатком. Девушек же, мечтающих наняться в богатый дом и попытать судьбу, и вовсе пруд пруди. А уж когда узнают, что хозяин не просто сына решил женить, а наследника...

— Завтра первым же делом позови ко мне сыновей, — распорядился градоначальник Чэнь, — да проверь по гороскопу благоприятные для охоты дни.

— Я и без гороскопа могу назвать благоприятный день, — сказал управляющий Ли. — Через два дня праздник в честь лучника И. А ведь он был охотником.

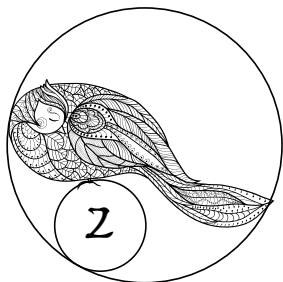
В это время за дверью раздался какой-то шорох. Градоначальник Чэнь быстрым кивком головы приказал управляющему Ли проверить. Тот подкрался к двери и резко распахнул её. Но в полутёмном коридоре никого не было.

— Крыса, должно быть, прошуршала, — сказал управляющий Ли, закрывая дверь и возвращаясь к столу.

— Крыса? — воскликнул градоначальник Чэнь, невольно подбирая рукава. — Чем только занимается Мао-Мао?!

Мао-Мао, большой толстый серый кот, занимался тем, что грел пузо у очага, над которым ещё недавно клокотал кипятком чайник, и, в отличие от хозяев, прекрасно знал, что в доме — его стараниями — ни одной крысы нет.

Легендарный лучник, десять солнц и ворона-проказница

С незапамятных времён в городе устраивали праздник в честь лучника И, приструнившего десять солнц. Легенду эту знают повсеместно, но в Мянъяжао её рассказывают так.

На великом дереве, поддерживающем небосклон, жили десять братьев-солнц. Каждый день они поочерёдно садились в золотую колесницу, запряжённую драконами, чтобы прокатиться от края до края земли. Когда колесница выезжала на небо — наступал день, а когда возвращалась к дереву — наступала ночь.

Но пока на колеснице катался один из братьев, девятерым другим приходилось ждать своей очереди, а люди даже не подозревали, что солнц десять, потому что всегда видели лишь одно солнце на небосводе и не различали их.

Когда десять братьев-солнц, подстрекаемых золотой трёхногой вороной — известной озорницей, вылетели на

небо все вместе, то в Чжунхуа* воцарился хаос: жар солнц иссушил воду в реках и озёрах, наступила засуха, а за ней пришли лесные пожары.

И тогда люди попросили охотника И помочь им, а он был искусный лучник: никогда не промахивался. Лук у него был красный, а стрелы белые, и если он выпускал стрелу, то она пролетала тысячу ли и всегда попадала в цель, даже если цель была размером с глаз муравья.

Лучник И сбил с неба девять солнц, а одно испугалось и спряталось обратно на дерево.

Когда же стали доискиваться до правды, то выяснили, что во всём виновата золотая трёхногая ворона Цзинь-Я. Но у неё язык был хорошо подвешен, и она оболгала золотого трёхногого ворона Цзинь-У, будто бы это он подстрекал братьев-солнц озорничать. Вóроны и ворóны тогда выглядели одинаково, сложно было их различить.

Золотого трёхногого ворона Цзинь-У несправедливо изгнали с великого дерева, и тогда он вычернил себе перья, чтобы его никогда больше не спутали с вороной. Но золотая трёхногая ворона подглядела и выпачкалась в грязи, чтобы продолжать озорничать. Вот только ворон вычернил себе перья тушью, потому краска легла ровно, а грязь с вороны начала отваливаться, и проделка не удалась.

Раздосадованная ворона решила смыть грязь и вываляться в сажке, но грязь пристала так, что её ничем не удавалось отмыть.

С тех пор оперение вороны стало грязно-серым. А вóроны и ворóны враждуют, и назвать ворона вороной — смертельное оскорбление.

* Чжунхуа — древнее название Китая.

На время праздника город украшали воздушными змеями-солнцами и устраивали состязания лучников.

Поначалу градоначальник Чэнь хотел, чтобы близнецы состязались в стрельбе из лука на празднике, но позже отказался от этой затеи: если бы победил Чэнь Юй, то придаться к результату на глазах у зрителей не удалось бы.

Дожидался сыновей градоначальник Чэнь в кабинете. Стоя спиной к двери, он разглядывал картину, висевшую на стене позади рабочего стола. Изображала она его самого в молодости. Градоначальник Чэнь придирчиво оглядел сначала портрет, потом самого себя и пробормотал со вздохом:

— Вот так всегда: сначала яшмовая ветвь, а как годков наберёшь — так пень в три обхвата...

Мао-Мао, такой же тучный, как и его хозяин, кое-как взобрался на стол и потребовал внимания. Градоначальник Чэнь пощупал жир на котящем пузе и подумал, что нужно запретить слугам подкармливать кота, пусть сам себе пищу добывает, может, хоть тогда станет проворнее и переловит в доме всех крыс. Мао-Мао утробно мяукнул: «Ма-а-у!» — и перевалился с боку на бок, подминая под себя документы. Чтобы сбросить его со стола, пришлось попытеть: кот издал оскорблённое «Ма-а-ау!» и расплющился на столе, отказываясь покидать налёжанное место.

Пока градоначальник Чэнь возился с неподъёмным котом, половицы у двери заскрипели. Кто-то вошёл. Градоначальник Чэнь решил, что это явились братья-близнецы, оставил в покое кота — к несказанной радости последнего — и, по-прежнему стоя спиной к двери, заговорил степенно, как и подобало главе семейства:

— Дети мои, я позвал вас сегодня... Мао-Мао, не трогай кисти для письма!.. Скверный кот!.. Вот я тебя!..

И кот был заслуженно низвергнут со стола, невзирая на возмущённое «Ма-а-а-ау!».

Градоначальник Чэнь разложил документы и кисти, как им и полагалось лежать на столе, прочистил голос и начал заново:

— Дети мои, я позвал вас сегодня, чтобы объявить о важном решении.

— Отец, — раздался за его спиной вкрадчивый голос, — не стоит ли прежде дожждаться Ло-Ло, чтобы вам не пришлось повторять одно и то же дважды?

Градоначальник Чэнь резко обернулся и увидел, что у дверей стоит только Чэнь Юй.

— Где твой брат? — недовольно спросил градоначальник Чэнь. — Разве я не велел вам обоим явиться ко мне?

— Откуда мне знать, где мой брат? Я не поводырь, а он не слепой, чтобы его на привязи водить.

— Не дерзи, мальчишка! — рассердился градоначальник Чэнь. — Лао Ли, где ты? Иди сюда сейчас же!

Управляющий Ли тоже вошёл в кабинет и с некоторым смущением сказал:

— Чэнь-лан*, я послал слугу за Чэнь Ло. Он скоро приведёт его, не гневайтесь.

— А что, Ло-эра с самого утра уже дома нет? — удивился градоначальник Чэнь.

— Скорее уж с ночи, — пробормотал Чэнь Юй, тем самым опровергая собственное утверждение, что не знает, где его брат.

Управляющий Ли укоризненно поглядел на Чэнь Юя, но пришлось ответить хозяину как на духу:

— Молодой господин ушёл ещё вчера вечером...

* Лан — почётное звание чиновника.